

ного) неизбежности своего в них сопереживания. Русская силлабо-тоника — форма гармонии с набатом сражения. А может, пора остановиться и посмотреть вокруг? А может, выключить завораживающий шаманский набат ритма? И тогда в тишине проступит спасающая мир Гармония красоты?

Не думай обо мне, что лишь поэт.
Я также музыкант и живописец.
Мне слово, отражающее свет, —
есть кисть,
а слог — есть нота, поднимающая в выси.
Мне пресен
ритм размеренной волны,
несущий мудрость мелкого песка.
Строка —
лишь линия, где толщина мазка
и цвет не менее важны,
чем смысл
прямой.
Язык — какой чудесный инструмент!
В один проход —
и тема, и пейзаж
(внезапный клад).
В нем мой
с природой резонирует аккорд.
Как быстротечен всем
наскучивший витраж
из вечных тем.
Но навсегда момент
запомнит взгляд,
когда в закатном свете тает горный кряж.

(Woodside, июнь 2019)

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Леония Берег. Возрождение. СПб.: Алетейя, 2019. — 212 с.: ил. — (Серия «Италия — Россия»).

Герои книги — гении эпохи Возрождения: Микеланджело Буонарроти, Фра Филиппо и Филиппино Липпи, Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи. И — неожиданно — Амедео Модильяни. Искусствовед-исследователь Леония Берег считает, что время условно. Она верит в единое временное пространство, где нет ни прошлого, ни будущего, убеждена, что в области чувств за последние десятилетия ничего нового не открыто. И чтобы понять духовные поиски гения-творца, надо разглядеть в нем глубоко переживающего человека. И это вполне возможно. Ведь каждый из гениев пережил все то, что знакомо и нам: боль и слабость, любовь и ревность, потерянность и предательство, унижение и бессилие, разочарование и сомнение, веру и безверие, надежду и страх. Формы новелл различны. Это и внутренний монолог Микеланджело («Мике-

ланджело Буонарроти: все пережить...»), обращенный к самому близкому человеку, с которым он мог бы поделиться своими тайными мыслями и чувствами, — к матери. Монолог вмещает в себя и узловые моменты биографии: воспоминания о первой музыке, «что я запомнил и полюбил, — звуки распила и рубки камня. Их я впитывал с грудным молоком, ими пропитался насквозь. Первыми моими игрушками были осколки мрамора и резцы», и ссоры и примирения с понтификом, и сложные отношения с другом Браманте (а может, и недругом?). И творческие восторги мастера, зачарованного собственным творением, росписями Сикстинской капеллы. «В Сикстинской капелле я явил миру совершенство и могущество Всевышнего, изобразив, как он разделяет свет и тьму. Показал, как творец создает солнце и луну. Я выразил Бога, благословляющего землю, свет и тьму». И фрагменты стихов Данте, шепча которые Микеланджело, отказавшись от традиционной иконографии, работал над колоссальной по размеру и размаху фреске «Страшный суд». На фреске запечатлен и сам Данте Алигьери, «человек большой и гордой души, отмеченный суровой судьбой, изгнанник страдающий, мятежный, скорбящий и радостный». Творец рассказывает и о задачах, которые ставил перед собой, о средствах и способах их решения. «А мрамор я буду обрабатывать не так, как принято. Вытачивать скульптуру со всех сторон? Нет, не мое это! Я чувствовал с детства, где лицо камня, и то, что скрыто за ним. Потому, еще в юности, мне пришлось в голову ваять, извлекая фигуру из каменной толщи». Неожиданный финал: о своей возможной судьбе рассказывает матери младенец, которого в муках, в окружении ангелов рождает Донна Франческа. Она скончается в год шестилетия своего великого сына. Ее черты, драгоценнейшее лицо своей матери воскрешал из памяти Буонарроти, работая над Пьетами. Трем Пьетам работы Микеланджело, хранящимся в Ватикане, Флоренции и Милане, посвящена история вторая — «Микеланджело оттенка печали». Перемещаясь в эпоху кватроченто, в дом Липпи в пригороде Флоренции Прато, Л. Берег ведет непринужденную беседу с Фра Филиппо Липпи, его женой Лукрецией Бути, их сыном и также художником Филиппино Липпи и их потомком, матерью своего друга Джузеппе Марией Липпи, идеально стильной женщиной конца 40-х годов XX века. О любовной истории капеллана Фра Филиппо и послушницы монастыря Святой Маргариты Лукреции Бути, дважды сбегавшей из монастыря к своему Филиппо, в свое время знали и судили все не только в Прато, но и во Флоренции. «Липпина», вдохновленная любовью Фра Липпи к Лукреции, даже спустя века в копиях украшает многие дома в самых разных странах. Ее черты запечатлены в образах мадонн, созданных художником на фресках с танцующей Саломеей. Она вдохновляла и Боттичелли, и сына. Л. Берег проясняет у собеседников подробности бурной жизни Фра Филиппо, его сына Филиппино и ученика Сандро Боттичелли, конечно, обращается к картинам мастеров и совершает путешествие по местам, где сохранились их фрески, картины, скульптуры. Сандро Боттичелли, проводшему в мастерской Филиппо пять лет, посвящена отдельная новелла. Путешествие автор совершает и в город Винчи, где родился великий Леонардо — «Твой навсегда». О Лизе Герардини, жене Франческо дель Джакондо, о ее судьбе и судьбе ее знаменитого портрета, о поисках пейзажа, запечатленного на холсте и об аллегории, в нем скрытой, рассказано в новелле «Леонардо да Винчи: Мона Лиза». С Тосканой был связан и Модильяни, чью выставку в Пизе посетила автор. Размышления о судьбе художника, слава к которому пришла посмертно, в новелле «Амедео Модильяни: эхо страстей». В книге Л. Берег нет фальшивых нот, она построена на документальной основе (например, включены фрагменты воспоминаний Микеланджело), а еще — на личных впечатлениях живущего в Италии автора и на ее тонкой интуиции, позволяющей ей отчетливо видеть реальные события прошлого. Искусствоведческая работа превращается в поэтическое повествование.

**Звучащий Серебряный век. Читает поэт: коллект. монография
с аудиоприложением. Отв. ред. Б. Шуваникова. М.; СПб.:
Нестор-История, 2018. — 416 с.**

«Голоса поэтов, если прислушаться, расскажут, как делается поэзия, как поэт понимал свою поэзию, как развивается стихотворная техника», — писал в 1930 году А. Грузинский в статье «Голоса поэтов» (журнал «Стройка»), посвященной работе родоначальника российской аудиоархивистики С. Бернштейна. Именно Бернштейн (1892—1970) в 1919 году создал в Институте живого слова фонетическую лабораторию и с 1920-го по 1930-й записал на восковые валики голоса приблизительно ста поэтов-современников, в том числе представителей Серебряного века. Записи голосов поэтов Серебряного века, читающих свои стихи, — ценнейшее звуковое наследие Серебряного века. На основе сохранившихся звукозаписей, мемуарных воспоминаний и архивных документов авторы монографии рассказывают о голосах и манере авторского чтения десяти поэтов Серебряного века: А. Ахматовой, А. Блока, М. Волошина, В. Брюсова, Б. Пастернака, А. Белого, С. Есенина, О. Мандельштама, Н. Гумилева, Н. Клюева. У каждого из поэтов были свои особенности декламационной манеры, приемы чтения, тональность, мимика, жестикуляция. Современники Блока отмечали завораживающую «магию» его голоса. По воспоминаниям А. Белого, «лицо его делалось при чтении соответствующим голосу: оно окаменевало и становилось строже, худее, очерченное тенями. Лишь потом я оценил своеобразную прелесть этого чтения, где ритм стиха, окованный метром голоса, получает особую, сдержанную, аполлиническую упругость». Ритмическими жестами, движениями тела, необычными модуляциями отличалось напевно-смысловое чтение самого Белого. Ритмический рисунок текста стремился выявить и Мандельштам. Идеальным средством воздействия на слушателей с помощью ритма ему казалось пение поэтических слов, которое подчеркивалось не столько сознательной, сколько рефлексивной мимикой. Одним из лучших декламаторов России был Есенин, его мягкий и певучий голос передавал изумительный диапазон переживаний: от нежной, ласкающей напевности он возносился до диких, хриплых, пронзительных выкриков. Чародеем песен современники считали Клюева. Авторы пишут о голосовых особенностях поэтов, зафиксированных современниками и звукозаписывающими устройствами. Заметно разнятся многочисленные воспоминания о гортанном, «лающем» голосе Брюсова, по определению одного из мемуаристов, Брюсов читал «не по-актерски, а по-поэтски» и, судя по сохранившимся записям, без всяких приемов обычной декламации. Преодолевая дефекты речи, картавость и «шепелявость», намеренно «озвончал» свои стихотворные строки Гумилев: растягивал гласные, в наиболее патетических местах форсировал согласные. И несмотря на речевой недостаток, надменный и невозмутимый, мог усмирить, очаровать, подчинить себе аудиторию. Гипнотизирующий голос, громкий, гудящий, без декламационной игры был у Пастернака. Авторы показывают, как шло у поэтов становление исполнительской манеры. Одни, как Брюсов, не интересовались правилами мелодекламации, другие, как Блок, Гумилев, Есенин, целенаправленно изучали их. Манера декламации могла меняться как во временной перспективе, так и в зависимости от аудитории. На протяжении трех десятилетий нахождения «на Парнасе Серебряного века» Волошина претерпела метаморфозы манера его чтения. Перелом наступил в дни Гражданской войны под влиянием жесточайшей человеческой бойни на юге России, которая разворачивалась на глазах поэта. Французский шарм и легкость, страсть к парадоксам уступают место чеканной манере чтения, пафосной, но ровной, без выкриков и завываний, наполненной подлинным трагизмом. А вот индивидуальная интонация Ахматовой: стро-

гая, продуманная, под кажущимся однообразием которой скрывалась большая эмоциональная выразительность голоса и тона, — с годами не изменилась, о чем свидетельствуют звукозаписи 1920-х и 1950—1960-х годов. Авторы статей рассказывают, что и как читали поэты, как их воспринимали в различных аудиториях — в узком кругу и на публичных чтениях, как сами поэты относились к приватным и публичным поэтическим вечерам, приводят яркие эпизоды. Дается разбор авторского чтения конкретных произведений. Сопоставляется характер исполнения монолога Хлопуши из поэмы «Пугачев» Есениным и актером Владимиром Высоцким на сцене Театра на Таганке. Во второй раздел книги включены три статьи: история изучения звучащей художественной речи в России в 1910—1920-е годы; литературные кружки и объединения Москвы и Петербурга начала XX века; описание коллекции звукозаписей Серебряного века, хранящейся в Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля. Книга сопровождается иллюстрациями и имеет уникальное CD-приложение со звуковыми автографами всех описанных в книге поэтов. Некоторые звуковые автографы представлены впервые. Рубеж XIX—XX веков — это время повышенного интереса к стихам, а вместе с тем и к декламации. Поэты Серебряного века привнесли в русскую литературу новые формы поэзии, новые темы и новые звучания, исполнение поэтами своих произведений являлось важной составляющей культурной жизни тех лет. Книга вводит в удивительный мир той эпохи, дает возможность почувствовать, услышать время, живые голоса Серебряного века.

Сергей Лебедев. Этническая история регионов Украины. СПб.: Алетей, 2019. — 506 с.

Этническая история регионов Украины как объяснение того, что сегодня происходит на территории Украины и что ждет страну в будущем. Сергей Лебедев последовательно излагает историю десятков регионов. Колыбель Древней Руси — Киевское княжество, успевшее побывать украинными землями Литвы и Польши, сегодня, — Малороссия. Слобожанщина, ведущая начало от казацких поселений, слобод, жители которых были «освобождены» от многих податей, — ныне неформальное название Харьковской области, а вообще земля, разделенная между Украиной и РФ. Обширные земли по течению Десны: Северская земля, бывшее Великое Черниговское княжество. Новороссия, особая, возникшая при Екатерине II часть имперской России: Екатеринослав (Днепропетровск), Одесса, Николаев, Кривой Рог, Донецк, Луганск, Запорожье, Молдова, Приднестровье. Только Крым, Ростов-на-Дону и Таганрог ныне входят в состав РФ. Совсем немонолитная Западная Украина: самая «антирусская Русь» Галиция, Волынь, Буковина, Карпатская Русь. Субэтнические группы русинов. «Унесенные ветром» земли восточного славянства в составе других государств: Холмщина, Надсянская и Пряшевская Русь, Лемковина. Сказано обо всем: природные условия различных регионов, изменения в этническом составе населения с древности до наших дней (и нигде следов укров), история, особенности управления и быта, экономика, ее взлеты и падения, современное состояние, знаменитые уроженцы земель. И как важная составляющая — вопросы религии и языка. В истории автор ищет ответы, объясняющие политические позиции регионов расколотой ныне Украины. Громкая слава Запорожской сечи привела к тому, что большинство жителей субрегиона, не являясь потомками запорожцев, почти не владея «мовой», полагают себя украинцами. Но сами запорожцы считали себя русскими и православными, то, что они были «украинцами», домыслили историки XIX и XX веков. В результате Нижнее Поднепровье сегодня в политическом смысле отличается своеобразием — проукраинскими, но не

антирусскими настроениями. В устойчивую региональную общность с единой ценностной базой, мировоззрением, культурой, бытом сложилось многонациональное население Донбасса. Там доминирует русский язык, попытка украинизации вызвала общее отторжение еще при советской власти и в конце 1930-х годов была отвергнута. Большинство русских в Молдавии — потомки суворовских солдат и запорожских казаков, среди поселенцев Приднестровья и потомки молдаван-волонтеров, сражавшихся в рядах русской армии во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Спустя два века это наследие проявилось в приднестровском конфликте: жители Приднестровья оказались активнее, чем анемичные русские из Прибалтики. Века польско-католического господства наложили неизгладимый отпечаток на все стороны жизни галичан. Не осознанная нами сила традиций. Автор отвечает и на вопрос, откуда взялись украинцы. Даже самые твердолобые самостийники признают, что название «Украина» означает окраину. В XIII веке «украиной» считались и псковские села на пограничных землях Руси. В Московском государстве изначально «украинцы» — воины, несшие службу на окской Украине, противостоя крымцам. «Украинцами» назывались служивые люди из коренной Великороссии, а уроженцы земель современной Украины упорно считали себя русскими. Много внимания уделено «краткому курсу истории украинского национализма», зародившемуся в начале 1860-х годов при участии поляков, готовившихся к очередному восстанию против России. К концу XIX века у украинского национализма появились более могучие «спонсоры»: Австро-Венгрия и Германия. В каждом из исторических регионов украинство распространялось в разное время и разным способом, цель одна: уничтожить русское самосознание, русскую идентичность, пресечь тягу входившего в разные страны населения старинных русских земель к родному государству. Средства: насаждение униатства, «окатоличивание», «ополячивание», поощрение украинства в противовес движению москвофилов, создание языка, совершенно отличного от литературного русского. Изобреталась новая грамматика, орфография, «чисто украинские» слова. Открывали школы с «мовой», запрещали русские печатные издания, австрийские банки давали ссуды только тем, кто называл себя украинцами, русины Галиции в официальных австро-венгерских документах стали называться украинцами. Веками отстаивали свою русскую идентичность русины Галиции, Волыни, Карпат. К началу XX века украинофилы еще не доминировали в крае, и только в период между двумя мировыми войнами победил украинский национализм. Поразительно, сохраняемая веками идентичность была разрушена за несколько десятилетий. В Первую мировую войну сторонников русского единства в Галиции бросили в концлагерь Телергоф, созданный для галицких русофилов. Через лагерь прошли 80 тысяч русинов, 30 тысяч погибли. Бывшую в начале XX века оплотом черносотенцев Волынь в двадцатилетие между мировыми войнами украинизировали. Триумф украинскому национализму принесла советская власть. Большевицское руководство начала 1920-х годов, где главенствующую роль играл Троцкий, в борьбе против русского «великодержавного шовинизма» стремилось расчленить русских на несколько мелких наций, лишенных великодержавных устремлений. Была создана УССР, к которой присоединили Новороссию и Донбасс. Ее жителей объявляли отдельной «нацией», и началась усиленная украинизация там, где большинство славянского населения считали себя русскими. С. Лебедев в своем историческом труде выступает и как яркий публицист. Он утверждает, что эксперимент по превращению Малороссии в Украину на сегодняшний день не увенчался успехом и страну, где противоречия между регионами непримиримы, ждет распад. Жестко отзываясь об «украинской идее», которая «сводится к одному — отделению земель исторической Руси и присоединению их к тому, кто больше заплатит. В разные эпохи самостийники продавались полякам,

туркам, шведам, немцам, теперь — НАТО. Уникальность украинской идеи заключается в том, что она ратует за превращение части великого народа в рабов у правильно-го хозяина... История самостийничества имеет общую закономерность — за независимость (независимость) выступали гетманы-предатели, а народ упорно стоял за единую Русь». Автор определяет, в каких регионах существуют перспективы возрождения русского движения, и первойшей задачей России видит возвращение Украины в культурно-ценностном, ментальном смысле к русской цивилизации. «Конечно, русификация украинцев будет процессом длительным. Украинцев создавали на протяжении полутора веков. Вероятно, не меньше времени потребуется для того, чтобы понятие „украинец“ стало чисто историческим термином типа „древлянин“ или „улич“. Надо просто не мешать Украине самоликвидироваться... Но что надлежит выполнить немедленно — покончить с бандеровщиной и всеми агрессивными формами украинского национализма».

Мифы, легенды, анекдоты и правдивые истории про Петропавловскую крепость. СПб.: ГМИ СПб., 2018. — 120 с.

История новой российской столицы началась с закладки в дельте Невы крепости Санкт-Петербурх. Именно так называлась крепость в первые годы своего существования, передавшая это имя и выросшему рядом городу. Быстрое появление города на невских берегах воспринималось их исконными обитателями как чудо и породило легенды о городе, созданном в воздухе и спущенном на землю. Иноземцы, пораженные скоростью и масштабами строительства Санкт-Петербурха, уверяли, что цитадель возведена буквально на костях своих строителей. Но слухи о неисчислимых жертвах весьма преувеличены. Город возводили «вахтовым» методом: артели вольнонаемных рабочих, отработав три-пять месяцев на грандиозном строительстве, отправлялись домой зимовать. Работников не хватало, многие сбежали по пути, не желая служить Антихристу или опасаясь холодов и наводнений, так что работников в молодом Петербурге берегли. По подсчетам ученых, с 1703-го по 1715 год в Петербурге умерло около 2000 рабочих. Мифы и легенды сопровождали Петропавловскую крепость с первых дней, в том числе и пророчества, предрекавшие скорую гибель городу Антихриста. В книге — множество историй, связанных с Петропавловской крепостью, достоверных и вымышленных. Среди последних и укоренившаяся красочная легенда о том, как в закладке крепости принимал участие сам Петр I. Но легенду эту подвергли сомнению еще в 1885 году, появились доказательства, что 16 мая 1703 года Петра в устье Невы не было. Окутан легендами, ныне и подзабытыми, Петропавловский собор. Так, необычайная высота колокольни собора породила среди современников ее возведения слухи, что под колокольной погребен царевич Алексей, а гигантский шпиль над могилой устроен по личному распоряжению царя, чтобы крамола, исходившая от праха изменника, не распространялась по России. Были и другие версии. Составители этой книги приводят совсем фантазийные истории, например, о призраках в крепости. Изобличают недостоверность многих слухов, например, о зарытом где-то в крепости золотом ковчеге с частицами мощей Андрея Первозванного, так и не обнаруженном археологами. Рассказывают о реальных, иногда похожих на чудеса событиях во время погребальных церемоний в Петропавловском соборе и о подлинных драмах. Среди последних — и осквернение могил в первые годы советской власти. Приводятся поразительные воспоминания современников, например, о том, что когда вскрыли гроб Петра, император приподнялся. Такой вариант составители допускают, хотя и оговаривают, что все воспоминания основаны на показаниях третьих лиц. С первых дней существования крепости за ней утвердилась дурная слава, связанная в основном

с тюрьмой, находившейся в ее стенах. Один только вид, одно только имя крепости приводили столичных обитателей в трепет. В 1867 году воспитанники Императорского Александровского лицея, возвращавшиеся по воскресеньям и праздничным дням из дома в лицей, получили разрешение проезжать крепость насквозь, тем самым сильно сокращая себе путь. Этой привилегией пользовались немногие: кто-то не мог отделаться от беспричинной тревоги, охватывающей при подъезде к крепостным стенам; других наотрез отказывались везти через крепость столичные извозчики. «Русской Бастилии», тюремным порядкам, узникам таинственным и знаменитым, посвящено немало страниц. Среди мрачных тюремных историй были и курьезные. Так, при Екатерине II в крепость сажали столичных кутил и повес, молодых людей, соривших деньгами и искавших развлечений по кабакам: за короткое время тюремные казематы оказались заполнены щеголями и бонвиванами. Веселых баек, забавных поверий о крепостном бытии появлялось также немало. Например, в полдень с крепостной стены бомбила пушка, и простонародье было убеждено, что аккурат в это время адмирал в Адмиралтействе выпивает рюмку водки. Чудесными свойствами наделялось надгробие императора Павла: верили, что оно помогает избежать службы в армии, а также снимает зубную боль. А питерским музейщикам хорошо известна байка об экскурсоводе, который говорил, что на шпиле Петропавловского собора изображен ангел в натуральную величину. Полуденным выстрелам с Петропавловской крепости посвящена отдельная глава, так же как и частной жизни обитателей крепости: военных, чиновников, специалистов. Наверное, самым малоизвестным является бытование крепости в первые десятилетия советской власти: крепость как центр создания Красной Армии, как место размещения отделений ВЧК и спортивных баз. И если осенью 1922 года намеревались переименовать все строения крепости (Иоанновские ворота назвать именем Троцкого, а Иоанновский рavelин — именем Свердлова), то в честь восьмой годовщины Октября предлагалось вообще снести на Заячьем острове все строения и устроить стадион. К счастью, не случилось. Крепость и по сию пору питает современный городской фольклор, городские традиции возникают на наших глазах. Вскоре после установки в 1991 году на главной аллее памятника Петру I работы М. Шемякина появилась традиция усаживаться к бронзовому императору на колени, будто бы это сулит удачу. К фигурке зайца у свай Иоанновского моста (В. Петровичев, 2003) горожане и гости города кидают монетки, стараясь, чтобы они упали прямо у лап зайца, тогда-то желание кидавшего точно исполнится. Книга открытий и для гостей города, и для ее коренных жителей.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)